

Сюй Гуанлин вернулась из супермаркета, нагруженная пакетами со свежими продуктами. Она как раз собиралась сама приготовить сыну праздничный ужин, но не успела дорезать и половины, как зазвонил телефон. На экране высветился номер классного руководителя.

— Что?.. Что вы сказали? — тяжелый кухонный нож с глухим стуком вонзился в разделочную доску. — Да-да, хорошо, я сейчас буду.

Не прошло и десяти минут, как машина Сюй Гуанлин затормозила у Первой школы С. Припарковавшись в тени придорожных деревьев, она перебросила через руку подол длинной юбки и помчалась на территорию. Даже на пятнадцатисантиметровых шпильках она умудрялась бежать со скоростью заправского спринтера.

В кабинете классного руководителя У Гана ровной шеренгой стояли парни. Юань Синь выстроился первым. Его лицо казалось каменным, а во взгляде сквозил такой леденящий холод, что даже тонированные стёкла очков Лао У не могли скрыть его нарастающего беспокойства.

Дверь со скрипом распахнулась, и в кабинет влетела Сюй Гуанлин. Едва переступив порог, она сразу отыскала глазами своего высокого, красивого и во всех отношениях идеального сына. Подскочив, она крепко обняла его, испуганно осмотрела с ног до головы и запричитала:

— Сынок, что случилось?

— Кхм-кхм... — дважды кашлянул Лао У, пытаясь привлечь к себе внимание.

Сюй Гуанлин наконец обернулась к нему. Она возмущенно вскинула тонкие брови и гневно приоткрыла рот, обнажив ровный ряд белых зубов:

— Вы классный руководитель, верно? Ну и что здесь происходит? Юань Синь подрался? Кто его обидел? Мой сын мухи не обидит, его наверняка спровоцировали! Нет, я этого так не оставлю. Я не позволю, чтобы над моим ребёнком издевались в школе! Ваше заведение должно воспитывать детей, а не...

Она строчила как из пулемёта. Лао У терпеливо ждал, не пытаясь её перебивать. Лишь когда женщина наконец исчерпала запас красноречия и замолчала, он спокойно произнёс:

— Мама Юань Синя, пожалуйста, успокойтесь. Всё совсем не так, как вы думаете. Я бы посоветовал вам сначала выслушать, как всё произошло, а уже потом...

— А как тогда? — резко оборвала его Сюй Гуанлин, сорвавшись на визг.

— Это я его избил, — глухо вмешался Юань Синь.

— Что? — Сюй Гуанлин уставилась на него, онемев от изумления.

Сколько она помнила, её сын никогда не был подлизой или капризным ребёнком. Он рос нелюдимым, терпеть не мог шумные детские игры и даже когда его обижали, никогда не плакал. Сюй Гуанлин и представить не могла, что наступит день, когда её идеальный мальчик сам поднимет на кого-то руку.

— Скажи маме правду, что стряслось? Должна же быть причина... — Сюй Гуанлин глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться. Она посмотрела на сына, а затем на остальных притихших парней, выстроившихся вдоль стены. В самом конце шеренги стоял хрупкий, бледнолицый мальчишка с копной аккуратных мягких кудряшек. Именно он и привлёк её внимание.

— Ты, Кудряшка. А ну-ка расскажи, что тут произошло? — Сюй Гуанлин привыкла понукать подчинёнными. Она всё ещё не переключилась со своей привычной роли властного генерального директора крупного холдинга на роль обычной матери, а потому даже не заметила, как бесцеремонно прозвучал её приказ.

Мао Сяочуань даже не шелохнулся, продолжая стоять с низко опущенной головой. На самом деле он с самого начала пребывал в каком-то ступоре, безучастно глядя перед собой.

— Эй, малец, я к тебе обращаюсь! — возмутилась Сюй Гуанлин. В её жизни, кроме мужа и сына, никто не смел её игнорировать. Уязвлённое самолюбие требовало немедленно восстановить авторитет. Она решительно шагнула к Мао Сяочуаню и занесла ухоженную руку с ярко-красным маникюром, собираясь бесцеремонно ткнуть его пальцем в плечо.

— Руки убери, — раздался ледяной, угрожающий рык.

Этот внезапный окрик заставил всех вздрогнуть. Даже Мао Сяочуань испуганно вскинул голову и непонимающе уставился на стоявшую перед ним холёную, ослепительно красивую женщину.

Юань Синь перехватил её запястье железной хваткой и резко отбросил её руку в сторону. Сюй Гуанлин опешила. На самом деле она и не собиралась делать ничего плохого — этот жест был лишь привычной манерой доминировать, да и опускаться до разборок со школьником ей не позволял статус. Но реакция сына повергла её в шок.

— Это ещё что такое? — Сюй Гуанлин глубоко вдохнула, силой подавляя вспышку гнева. Женское чутьё подсказывало, что за всем этим кроется нечто большее.

— Я сам к нему полез. Никто больше не виноват, — безучастным тоном отрезал Юань Синь,

глядя куда-то сквозь мать.

Сюй Гуанлин шумно втянула воздух сквозь зубы, но так и не нашлась, что ответить.

В кабинете повисла звенящая, гнетущая тишина. Мао Сяочуань украдкой покосился на Юань Синя. Тот стоял неподвижно, напоминая холодное мраморное изваяние. Но в следующую секунду «статуя» ожила: Юань Синь повернул голову и в упор посмотрел на Мао Сяочуаня. В его глазах читалось то, что он не мог высказать вслух.

«...»

Мао Сяочуань растерянно отвёл взгляд.

Сюй Гуанлин забрала сына домой. Как зачинщика драки, Юань Синя отстранили от занятий на один день «для осознания вины», обязали написать объяснительную на десять тысяч иероглифов и оплатить пострадавшему медицинские расходы.

Внезапная потасовка утихла так же быстро, как и началась, но к пятнице главной темой для сплетен среди учеников и учителей стал поступок гениального Юань Синя. Слухи плодились один нелепее другого. Одни шептались, будто он заважничал из-за своего богатства и сорвал злость на однокласснике, почуввав себя неприкосновенным мажором; другие уверяли, что шум в классе мешал ему готовиться к урокам, вот у гения и сдали нервы. Версий хватало на любой вкус.

С утра небо было ясным, но едва закончился обед, как набежали тяжёлые грозовые тучи. Поднялся резкий, холодный ветер, и крупные, величиной с горошину капли дождя шумно застучали по крышам и мостовой.

Мао Сяочуань поплотнее закутался в школьный пиджак и, втянув голову в плечи, припустил через двор под проливным дождём. В северо-западном углу школьной территории, за густыми деревьями, пряталось трёхэтажное здание медпункта. Влетев внутрь, он взбежал по лестнице на второй этаж. В самой дальней палате в конце коридора, на кровати у окна, лежал Толстяк. Его голова и рука были плотно замотаны бинтами.

Лю Да лежал с закрытыми глазами, страдальчески нахмурившись. Спал он плохо — то и дело прерывисто вздыхал и тихо стонал сквозь зубы. Мао Сяочуань склонился над его подвешенной на перевязи рукой, перевёл взгляд на перебинтованный лоб, и к горлу у него подкатил тяжёлый ком. На глаза навернулись слёзы.

— Лю Да, — тихонько позвал Мао Сяочуань.

Толстяк медленно приоткрыл веки. Из-за ноющей боли в голове и плече уснуть никак не получалось — едва задремав, он тут же просыпался. Почувствовав, что рядом кто-то есть, он

открыл глаза и наткнулся на жалобную, готовую вот-вот заплакать физиономию Мао Сяочуаня. Гнев, клокотавший в груди Лю Да, мгновенно утих, но он всё равно буркнул самым неприветливым тоном:

— Чего припёрся? Жив я, не дождёшься.

— Ну что ты такое говоришь? — Мао Сяочуань расстроился ещё сильнее. — Очень болит? Я видел, сколько крови из тебя вылилось...

Лю Да закатил глаза, попытался приподняться и немного размять затёкшее тело:

— Плевать, тоже мне, нашёл калеку. Ты за кого меня принимаешь? Ерунда это, а не раны. А ну, подсоби подняться — от этого лежания уже поясницу ломит.

— А, сейчас! — Мао Сяочуань бережно придержал его за спину и заботливо подложил под поясницу подушку. — Ты ел что-нибудь? Давай я сбегаю куплю чего-нибудь вкусного?

— Не надо, кусок в горло не лезет, — раздражённо буркнул Толстяк.

От боли он уже лез на стену, какой тут аппетит. Пожалуй, впервые в жизни еда отошла для него на второй план. Больше всего на свете ему хотелось отомстить Юань Синю. Сегодня он опозорился по-крупному. Сам ведь не мелкий, да и веса прилично, но когда дошло до дела, оказалось, что ни в технике, ни в грубой силе он Юань Синю не соперник.

Лю Да искренне уважал силу этого парня, но признать поражение вслух не позволил бы себе ни за что на свете — мужская гордость была для него важнее всего. Хуже всего было то, что он огрёб прямо на глазах у этого недотёпы Мао Сяочуаня. Это уязвляло сильнее самих побоев.

— А этот... Юань где? — не выдержав, спросил Толстяк.

Мао Сяочуань заметил на тумбочке у кровати чей-то пакет с мандаринами, выудил оттуда самый крупный и, принявшись очищать кожуру, ответил:

— Ему вынесли выговор, мать забрала его домой на один день. Ну и заставили писать объяснительную.

— И это всё? — Толстяк поймал ртом очищенную дольку и принялся яростно её жевать, словно это была плоть его обидчика. Он перемалывал её зубами с такой злостью, будто хотел стереть Юань Синя в порошок и растоптать в грязи.

Мао Сяочуань вложил ему в рот следующую дольку и, подумав секунду, кивнул:

— Угу.

— Да они издеваются! Решили, раз я толстый, об меня можно ноги вытирать?! — взвился Лю Да, в ярости колотя уцелевшей левой рукой по матрасу. — Твари высокомерные!

— Тише, тише ты! — Мао Сяочуань поспешно перехватил его здоровую руку, боясь, что тот сдуру покалечит и её. Тогда пиши пропало.

— Ты и так-то красотой не блещешь, а если ещё и вторую руку угробишь... — Мао Сяочуань осёкся на полуслове. Он ведь искренне хотел поддержать друга, но стоило фразе слететь с языка, как едва наметившаяся дружеская атмосфера мгновенно улетучилась.

Толстяк вытаращился на него с глупым видом, совершенно онемев от такой наглости. Мао Сяочуань лишь похлопал ресницами и виновато почесал свои кудряшки, благоразумно решив не оправдываться.

— Погоди-ка. Ты что-то недоговариваешь, мелкий. Этот Юань... он ведь до тебя докопался, да? — Лю Да прищурился и подозрительно уставился на одноклассника. Хотя он и любил при случае подразнить Мао Сяочуаня или отвесить ему лёгкий подзатыльник, в глубине души он считал его своим, парнем из одного окопа.

Но дружба оказалась штукой куда более запутанной, чем представлял себе Толстяк. Он и заметить не успел, как Мао Сяочуань сблизился с этим Юань Синем. Они ведь за одной партией сидят всего ничего. Неужели два года их приятельства весили меньше, чем эти несколько дней? На душе у Лю Да стало скверно и тоскливо.

Мао Сяочуань замер, комкая в пальцах горькую мандариновую корку. Он изо всех сил пытался выкинуть из головы те жуткие, окровавленные образы, но при одном упоминании имени Юань Синя перед глазами против воли всплывали картины одна страшнее другой.

— Да ничего... не докопался, — пробормотал он, затаиваясь, и поспешил перевести разговор на другую тему. — Сегодня ведь пятница, выходные. Как домой добираться будешь?

Лю Да окинул его долгим, на удивление пронизательным взглядом, но расспрашивать не стал:

— Да предки в командировке, сестра старшая приедет за мной... Чёрт, если она увидит, во что меня превратили, живьём сожрёт. Всё из-за этого ублюдка Юань Синя, чтоб его...

Мао Сяочуань слушал его ругань вполуха. Он на автомате продолжал потрошить мандарины, бездумно давя сочные дольки прямо в ладони.

— Аллё, гараж! — Толстяк ткнул его локтем здоровой руки в плечо, недовольно скривившись.

— Слышь, великий соковыжиматель, если сам есть не хочешь, так хоть продукт не переводь. Я

мандариновую жижу из твоих ладоней пить не собираюсь.

Мао Сяочуань вздрогнул, посмотрел на свои руки и только сейчас заметил, что превратил спелый плод в кашу, а липкий сок ручьями тек по пальцам. Схватив с тумбочки пару салфеток, он принялся торопливо вытирать ладони, попутно бросив взгляд на настенные часы. Перерыв подходил к концу.

— Лю Да, уроки скоро начнутся, мне пора...

— Вали давай, — нетерпеливо махнул рукой Толстяк. — И не маячь перед глазами, от твоего кислого вида у меня только раны сильнее ноют.

Мао Сяочуань ещё раз виновато посмотрел на него, развернулся и побежал обратно в учебный корпус.

Все оставшиеся уроки он просидел как в тумане. Мао Сяочуань уныло лежал лицом на парте, из-за чего несколько преподавателей, удивлённые его вялостью, нарочно вызывали его отвечать.

Кое-как дотянув до звонка, он с облегчением выдохнул. Одноклассники с радостным шумом похватали сумки и рванули к выходу — не прошло и минуты, как класс опустел. В этой звенящей тишине Мао Сяочуань особенно остро почувствовал себя бесконечно одиноким.

Ли Сяовэй подошёл к его парте и опустился на свободное место Юань Синя:

— Чего сидишь? Домой не собираешься?

Мао Сяочуань вяло зашуршал тетрадками, складывая их в рюкзак:

— А... Да, сейчас, уже ухожу.

— Сяочуань, — Ли Сяовэй замялся, положив руку ему на плечо. — Насчёт утренней драки... Что там на самом деле произошло? Это ведь как-то связано с тобой?

— Я не знаю, — Мао Сяочуань замер, прижимая учебники к груди, и тяжело сглотнул. Он понимал, что просто так от него не отстанут. Вокруг ведь не дураки сидят, у всех есть глаза, и сложить дважды два ни для кого не составит труда. Но он действительно понятия не имел, почему Юань Синь так взбесился и виноват ли в этом он сам. На душе было тревожно и скверно.

Он никогда не умел читать по лицам, но тот прощальный взгляд, который Юань Синь бросил на него перед тем, как уйти с матерью, оставил тяжёлый осадок. Но сколько бы Мао Сяочуань ни

размышлял, он не мог вспомнить за собой никакой вины. Он ничего не крал, никого не оскорблял и уж точно ни с кем не дрался.

Ли Сяовэй вздохнул. Он забрал учебники из рук друга, аккуратно уложил их в рюкзак, быстро собрал оставшуюся канцелярию со стола и, подхватив ранец одной рукой, мягко потянул Мао Сяочуаня за плечо, заставляя подняться:

— Не знаешь — и ладно. Но мой тебе совет: держись от Юань Синя подальше. Не лезь в его дела.

— Почему? Что не так с Юань Синем? — Мао Сяочуань растерянно поплёлся вслед за старостой к выходу.

— Он слишком сложный человек... — Ли Сяовэй прибавил шагу, и его голос глухо разнёсся по пустому коридору.

На улице уже заметно стемнело. Порывистый холодный ветер бросил в лицо мелкие капли — осенняя морось всё ещё затягивала небо серой пеленой. Школьный двор опустел. Парни поспешили к воротам и быстро выбежали за пределы школы.

Они свернули на восток, миновали перекрёсток и, пройдя ещё пару сотен метров, юркнули под навес автобусной остановки.

— Кстати, а ты как добираться будешь? — Ли Сяовэй протянул рюкзак Мао Сяочуаню.

Мао Сяочуань привычно закинул лямки на плечи и хмуро посмотрел на темнеющее небо:

— На автобусе. Мне сегодня к тёте ехать.

— Столько времени дома не был. Не соскучился по родителям? — Ли Сяовэй мягко улыбнулся и ладонью стряхнул блестящие капли дождя с его кудряшек.

— Да нормально, — буркнул Мао Сяочуань.

Конечно, по матери он скучал безумно, но при мысли об отце его пробирала дрожь. Мао Шанкунь держал сына в постоянном страхе. А уж если отец прознает о последних событиях в школе, живым из дома Мао Сяочуань точно не выберется.

Где-то за поворотом послышался нарастающий гул мотора.

— Твой едет, — Мао Сяочуань указал пальцем в сторону приближающихся фар.

— А, точно, — Ли Сяовэй даже не обернулся. Поправив лямку сумки, он внимательно посмотрел на друга. — Может, поедешь ко мне? Родителей всё равно дома нет.

— А?! — Мао Сяочуань растерялся, но тут же замотал головой: — Давай в другой раз. Если я не приеду, тётя мне всю плешь проест. Давай, вон автобус уже тормозит, садись быстрее и не переживай за меня.

— Ну, ладно. Тогда до понедельника. И про домашку не забудь, — в голосе Ли Сяовэя скользнуло разочарование, но настаивать он не стал. Помахав на прощание рукой, он зашёл в открывшиеся двери. Автобус шумно закрыл створки и покатил прочь.

Мао Сяочуань остался один. Ссутулившись под брезентовым навесом, он безучастно провожал взглядом проезжающие мимо автобусы. Дождь всё лил и лил. На город быстро опускались холодные осенние сумерки. Один за другим вспыхивали уличные фонари, озаряя безлюдные тротуары. Обычно оживлённые и шумные торговые улочки сегодня казались вымершими.

Он плотнее обхватил себя руками и задрожал от пронизывающей прохлады. В этот момент желудок предательски заурчал. Мао Сяочуань прижал ладонь к животу, с опозданием вспомнив, что сегодня даже не обедал.

Он вышел из-под навеса, решив сначала где-нибудь перекусить. Но, похоже, из-за пятничного вечера и разъехавшихся по домам студентов закрылись не только уличные палатки, но и мелкие забегаловки.

Он обошёл пять или шесть вывесок, но везде наткнулся на безжалостные таблички «Закрито». Последние капли бодрости окончательно испарились.

Он замер на углу под тусклым жёлтым фонарём, растерянно оглядываясь по сторонам. Ему некуда было идти. Чувство безысходности и глухой тоски навалилось внезапно, словно удар молнии среди ясного неба — резко, сокрушительно и без единого предупреждения.

Мимо со свистом промчалась машина. Колесо с ходу влетело в глубокую выбоину, взметнув веер грязных брызг. Мао Сяочуань отпрянул, но мутная жижа всё же запятнала его штанины и подол пиджака.

— Да чтоб тебя... — в сердцах выдохнул он, но на полноценную ругань сил уже не осталось. Ссутулившись, он принялся уныло стирать грязные капли с формы рукавом.

Мао Сяочуань прищурился и посмотрел в глухую черноту неба, а затем перевёл взгляд на раскачивающийся неподалёку плафон. Вокруг тусклой лампочки, привлечённые теплом, безумно вились и бились о стекло мелкие мошки.

Шея быстро затекла. Он опустил голову и устало потёр затылок ладонью.

Сзади послышался очередной шорох шин. Яркие лучи фар прорезали темноту, высвечивая миллионы падающих серебряных нитей дождя. Собиравшийся было перейти дорогу Мао Сяочуань поспешно отступил подальше к обочине, не желая получить новую порцию жидкой грязи.

Но машина не стала проноситься мимо и не взметнула брызг. Она плавно притормозила прямо перед ним. Щёлкнул замок, дверца распахнулась, и на мокрый асфальт ступил высокий, широкоплечий парень.

Мао Сяочуань машинально оглянулся и застыл, не в силах сделать и шагу.

Длинное чёрное кашемировое пальто с капюшоном делало его силуэт ещё более статным и высоким. Под тусклым светом фонаря косые струи дождя омывали его плечи. Юань Синь стоял, глубоко засунув руки в карманы, и молча смотрел на него. Его тёмная фигура казалась неотъемлемой частью этого холодного, дождливого вечера.

<http://bllate.org/book/18295/1758961>